

В целом книга В. Л. Янина — значительное явление в историографии Великого Новгорода. Написанная на прочном фундаменте всей совокупности сохранившихся источников по истории новгородского посадничества, эта монография существенно обогатила наши представления о политическом строе Новгорода, о тех изменениях, которые он претерпел в ходе напряженной классово-внутрибоярской борьбы. Плодотворные выводы В. Л. Янина, убедительно им обоснованные, еще долгие годы будут приковывать к себе внимание исследователей.

А. А. Зимин

Литература

1. Н. Н. Воронин. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. Краеведческие записки. IV, Ярославль, 1960.
2. А. А. Зимин. К истории текста краткой редакции Русской правды. Труды МГИИИ, 7, 1954.
3. А. Стендер-Петерсон. Остромир — Вышата — Янь. Сб.: For Roman Jakobson, 1956, стр. 531—539.
4. L. Müller. War Ian Vyšatič ein Enkel des Ostromir? Die Welt der Slaven, 1958, III, 3, стр. 253—256.
5. А. Л. Хорошевич. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках. М., 1963, стр. 178.
6. Н. П. Бауэр. Денежный счет в духовной новгородца Климента и денежное обращение в Северо-западной Руси в XIII в. Сб. Проблемы источниковедения, III, М.—Л., 1940.
7. И. Г. Спасский. Русская монетная система, Л., 1962.
8. А. А. Зимин. О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII—XV вв. Сб. Проблемы источниковедения, V, М., 1956.
9. В. Н. Бернадский. Новгород и новгородская земля в XV в. М.—Л., 1961, стр. 359.

М. И. Артамонов. История хазар. Издательство Государственного Эрмитажа. Ленинград. 1962. 458 стр., 108 рис., 6 карт, 3000 экз.

История Хазарского каганата — одна из узловых тем средневековой истории Восточной Европы. Огромное территориально, включившее народы различные этнически, экономически и культурно, это государство просуществовало около 300 лет — со второй половины VII в. до середины X в. Это было первое феодальное государственное образование в Восточной Европе. Как любая другая разноэтничная и большая держава, каганат имел длинную предысторию. Входившие в него племена и племенные союзы упоминаются на страницах древних хроник на протяжении более 300 лет — с середины IV до конца VII вв. Эти многочисленные кочевые и полукочевые народы были остатками прошедших через южно-русские степи гуннов.

Послегуннская эпоха, так же как и история самого каганата, долгое время оставалась наиболее темным и слабо изученным периодом в истории юга и юго-востока нашей страны. Разрозненные и краткие упоминания, разбросанные в трудах западных и восточных писателей того времени, и их интерпретация вызвали ожесточенные споры историков XIX в. и наших дней.

Особенно затрудняется работа над источниками потому, что написаны они на разных языках: греческом, латинском, еврейском, арабском, армянском, грузинском и китайском. Естественно, что нет ни одного историка, который мог бы пользоваться всеми источниками в подлинниках. А переводы на русский или любой другой общедоступный, европейский язык также сопровождались и сопровождаются дискуссиями и постоянно подвергаются критике и исправлениям. В связи с этим перед историком постоянно стоит дилемма — можно или нет пользоваться ныне существующими переводами при анализе исторической обстановки в ту или иную интересующую его эпоху. Любое исследование, в котором широко используются переведенные письменные источники, всегда встречается резкой критикой лингвистов — специалистов по какому-нибудь одному или нескольким из перечисленных языков. Причем, как правило, основным аргументом этой критики является категорическое заявление, что все до сих пор существовавшие переводы безнадежно устарели и потому сильно искажают действительный смысл повествования.

По-видимому, боязнь критики, неуверенность в точности переводов и надежда, что в конце концов абсолютно правильные, удовлетворяющие всех лингвистов переводы все же появятся в изданиях, и были причинами того, что никто до последнего времени

ни у нас, ни за рубежом не брался за написание полного исторического свода о народах юго-восточной Европы в IV—X вв.¹

«Если бы мы захотели ждать, пока материал будет готов в *чистом виде* для закона,— говорит Энгельс,— то это значило бы приостановить до тех пор мыслящее исследование, и уже по одному этому мы никогда не получили бы закона»².

Книга М. И. Артамонова «История хазар» и есть то «теоретическое исследование», в котором автор обобщил все имеющиеся у нас по этой проблеме сведения. Эта монография посвящена не только и не столько собственно Хазарскому каганату, как об этом говорит название книги, но истории всей юго-восточной Европы на протяжении длительного, насыщенного бурными событиями периода. Монография подводит итоги многолетних исследований автора и его учеников и последователей, а также исследований дореволюционных русских, западных и азиатских буржуазных историков и археологов.

Книга разделена на 25 глав, которые можно объединить в несколько больших разделов: народы юго-востока до образования каганата (главы 2—9), первый период истории каганата (до принятия ими иудейства — главы 10—14), второй период — от конца VIII в. до похода Святослава в 965 г. (главы 15—22), и, наконец, гибель и наследие Хазарского каганата (главы 23—25).

Первые два раздела написаны почти исключительно по письменным источникам. Отрывочные и крайне разрозненные сведения византийских, армянских, западных и восточных писателей приведены в стройную систему. Для того, чтобы устранить, по возможности, специальные возражения в транскрибировании того или иного этнического и географического наименования, автор, как правило, приводит все разночтения этого названия. Многие до сих пор спорные вопросы об этнографии Восточной Европы решаются автором по-новому и, несмотря на запутанность источников, всегда в целом убедительно. Даже в тех случаях, когда автор присоединяется к одному из ранее высказанных мнений о расселении или имени рассматриваемого в книге народа, он подкрепляет его обычно своими интересными и оригинальными соображениями. Таких примеров в этой чрезвычайно насыщенной фактами и гипотезами книге — сотни. Перечислить все новое, что есть в ней, это значит, по существу, пересказать всю книгу.

Впервые в историографии перед нами встает развернутая картина сменяющих друг друга или воюющих между собой племенных кочевнических союзов на территории Восточной Европы, картина войн их с Византией и Ираном, сопровождающаяся яркими описаниями битв и варварских разгромов городов и стран. Именно поэтому мы с полным основанием можем считать этот труд энциклопедическим исследованием по средневековой истории европейских народов.

Одним из основных, безусловно по-новому поставленных вопросов этой части книги является вопрос об угорском происхождении большинства пришедших с гуннами племен: сарагур, урогов, оногур, савир, болгар и даже хазар. Думаю, что эта сложнейшая этническая проблема решается М. И. Артамоновым слишком прямолинейно (гл. 2 и 3). У историков и лингвистов, полагававших, что окончание «гур» означает не угр, а уйгур, также были свои достаточно веские соображения, подкреплявшие их точку зрения (В. В. Радлов, Данлоп). Смешение различных восточных народов и угорского и тюркского (уйгурского) происхождения, как мне кажется, было настолько сильным, что решить, в каком племени или племенном союзе преобладали угорские, а в каком тюркские элементы, вряд ли возможно на основании только лингвистических соображений. Думается, что в данном случае огромное значение имеют не письменные, а вещественные (археологические) источники и их анализ. В будущем, когда археологических материалов, относящихся к тому времени, будет накоплено достаточное количество и когда появится возможность использовать их не в виде иллюстраций, как это сделано в данном разделе рецензируемой работы, а в качестве полноценного источника, тогда этот вопрос вновь встанет перед исследователями. Очевидно, что археология сможет ответить на этот вопрос не отдельно о каждом племени, а только об общем преобладании тех или иных элементов в древностях Восточной Европы IV—VII вв.

Иногда автор в своих этно-географических изысканиях допускает бросающиеся в глаза досадные противоречия и неточности. Например, Барсилию он помещает в Дагестане (стр. 130) и в то же время пишет, что часть ее жителей называлась пугуры, т. е. фанагорийцы (стр. 128). Таким образом, Барсилия по его собственному признанию доходила до Приазовья. Из источников же X в., ссылка на которые сделана самим автором, мы знаем, что болгары делились на три части: болгары, эсегел и барсила (стр. 131), что соответствует дунайским, волжским и приазовским болгарам. Исходя из этого, мы думаем, что Барсилией некоторые древние авторы называли всех болгар, обитавших в Каспийско-Азовском междуречье, а не только отдельную их группу, кочевавшую вместе с хазарами и савирами в Дагестане. Другим бросающимся в глаза

¹ Вышедшая в 1954 г. книга Данлопа *The History of the Jewish Khazars*, также посвященная истории хазар, ни в коей мере не может считаться таким сводом. Она охватывает несравненно более узкий период и касается преимущественно истории хазар после принятия ими иудейства. D. M. Dunlop. *The History of the Jewish Khazars*. Princeton University Press. New Jersey, 1954.

² Ф. Энгельс. Диалектика природы. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20. М., 1961, стр. 555.

противоречием является вопрос о болгарях и савирах. Так, в начале книги автор рассматривает их как отдельные самостоятельные, хотя и родственные, племенные союзы (глава 3), а на стр. 184 пишет, что и савиры и барсилы (болгары) были болгарскими племенами.

Выше уже говорилось, что вся первая часть написана в основном по материалам, взятым из письменных источников. Повторяю, что считаю каждого историка и, в частности М. И. Артамонова, имеющим полное право пользоваться переводными источниками, строить на них свои выводы и выдвигать более или менее близкие к истине гипотезы. Следует отметить, что М. И. Артамонов — один из немногих историков-мидиевистов, широко пользующийся при написании большого обобщающего труда непривычным для подавляющего большинства историков источником — вещественными памятниками. Мне как археологу безусловно ближе именно те разделы, где автор берет для доказательства археологические источники. Поэтому в дальнейшем я остановлюсь только на тех его положениях, которые в большой степени опираются на археологические материалы. В этом обобщающем труде автор не мог остановиться на источниковедческом анализе археологических источников и потому он использовал только те материалы, которые уже обработаны или же, по его мнению, достаточно выразительны для того, чтобы стать историческими источниками. Во всех остальных случаях он привлекает археологию только в качестве иллюстрации.

Именно на основании археологических материалов М. И. Артамонов пришел к выводу, что в конце первого периода существования каганата, во времена его наивысшего расцвета начался массовый переход входивших в него кочевых народов к оседлости. М. И. Артамонов справедливо считает это событие самым замечательным явлением в истории Хазарского каганата VIII в. (стр. 235).

К этому же периоду относится другой, не менее важный скачок в экономике каганата — возникновение ремесла, широкое развитие внешней и внутренней торговли, появление городов. Вопрос этот недостаточно оттенен в книге. Между тем, изучение археологических материалов, например, хотя бы стратиграфии одного Таманского городища, показывает, что к концу VIII в. относится расцвет ремесла и торговли в этом поселке, несомненно ставшем уже городом, о чем свидетельствует большое количество византийских монет VIII—IX вв. и синхронной с ними стандартной, сделанной на гончарном круге керамики в слоях этого городища. Распространение же тарной керамики (амфор), сделанной в мастерских Тамани и Крыма по всему Подонью вплоть до верховьев Северского Донца и даже Дона, говорит о развитии внутренней торговли в каганате.

Культура, созданная в конце VIII в. оседающими и осевшими племенами, входившими в состав Хазарского каганата, получила у археологов название салтово-маяцкой. Создателями ее были, как полагает М. И. Артамонов, и аланы, и болгары, и отчасти хазары.

В связи с этим встает и другая, не менее важная проблема — проблема происхождения так называемой «праболгарской культуры», занимавшая и занимающая многих, преимущественно болгарских ученых. М. И. Артамонов пишет, что болгары, ушедшие на нижний Дунай, принесли с собой «праболгарскую культуру», по существу не отличающуюся от салтово-маяцкой, особенно от ее южного варианта (стр. 239).

Однако все известные до сих пор памятники салтово-маяцкой культуры датируются не позже середины VIII — первой половиной X вв., в то время как болгарская орда Аспаруха пришла на Дунай в 60-х годах VII в. Это несоответствие в датах является основным аргументом ученых, отрицающих роль праболгарских племен в образовании ранней культуры Болгарского царства. Очевидно, что болгары в VII в. явились на Дунай с той весьма несложной культурой, которую обычно так трудно бывает уловить археологам. Далее, как мне кажется, развитие культуры дунайских и приазовско-донских болгар шло одним путем. В сложении одинаковой культуры этих племен, кочевавших в Причерноморских степях, большую роль играли следующие факторы: одни и те же географические условия и этническая среда (болгарские и болгаро-аланские племена), сходные социально-экономические и политические условия (установившиеся порядок и спокойствие в пределах обоих государств) и, наконец, общие для обоих народов и областей соседи и влияния (славяне, Византия). Таким образом, болгарские племена не принесли на Дунай салтово-маяцкую культуру, а создали ее вместе со своими восточными соплеменниками на всей огромной территории Причерноморья.

Третий раздел истории каганата — история зенита его могущества и бесславного заката блестяще дан в рецензируемой работе. Причем, в отличие от предыдущих частей, где археологические материалы являются только иллюстрацией, в этом разделе они в ряде случаев становятся если не единственным, то основным источником. Таковы, например, материалы, полученные при исследовании М. И. Артамоновым знаменитого Левобережного Цимлянского городища, представлявшие собой развалины хазарского города-крепости Саркела, выстроенного в 30-х годах IX в. Основным результатом работ, проведенных в Саркеле, посвящена отдельная большая статья, опубликованная еще в 1958 г.³ Поэтому здесь М. И. Артамонов не останавливается специально на описа-

³ М. И. Артамонов. Саркел-Белая Вежа. МИА, 62, М.—Л., 1958. В этом же томе МИА, а также в МИА, 75 помещены статьи учеников М. И. Артамонова и сотрудников его экспедиции. Статьи посвящены источниковедческому анализу археологических материалов из раскопок этого городища и связанных с ним памятников.

нии археологических материалов, полученных из раскопок этого городища. Он пишет о его истории уже по бесспорно доказанным в прежних работах фактам⁴. Таким образом история построения, заселения и гибели Саркела восстанавливается только благодаря археологическим работам, проведенным автором книги на этом городище (гл. 16). Не менее интересными и ценными оказались для воссоздания некоторых моментов кабарской междоусобицы в конце VIII — начале IX вв. материалы из раскопок Правобережного Цимлянского городища.

С некоторыми построениями автора, основанными на археологических материалах, я позволю себе не согласиться. Прежде всего, это вопрос о народе «рос» и в связи с этим вопрос о Пастерском городище. Это городище пока еще очень слабо исследовано, однако автор считает его одним из памятников среднеднепровской культуры VI—VII вв., принадлежавшей сармато — аланским племенам «рос». Несмотря на то, что памятники Поросья в настоящее время довольно хорошо изучены украинскими археологами, там до сих пор не обнаружено больше ни одного аналогичного поселения. Думаю, что на основании только одного, притом почти не изученного памятника нельзя говорить о целой культуре, существовавшей там и, тем более, о переселении создателей этой культуры в верхнее Подонье в VIII в. Ни археологические, ни письменные источники этого не подтверждают.

Другой спорный вопрос — вопрос об асах. М. И. Артамонов пишет, что союз асов — это и есть те аланские племена, которые обитали в верховьях Дона и Донца. Между тем В. А. Кузнецов на основании археологических материалов доказал, что северокавказские планы делились на два племенных союза: асов и аланов⁵. Этот северокавказский союз асов и воевал в конце IX в. в союзе с гузами и печенегами со слабейшим с каждым годом Хазарским каганатом. Именно во время этой войны и разрушили печенеги сотни земледельческих поселений алано-болгар и славян в Подонье на правобережье Днепра. Вряд ли сам каганат пошел бы на то, чтобы до основания уничтожить свою экономическую базу. Мы не знаем в истории примеров такого безрассудства. Логичнее предположить, что это сделали враги каганата, в данном случае — печенеги.

М. И. Артамонов совершенно справедливо указывает, что на некоторых южных поселениях, в Саркеле, близлежащем от Саркела Карнаухове, а также на Тамани и в Фанагории жизнь длилась дольше, чем на известных нам поселениях Северского Донца. Однако это не может быть доказательством его мысли о верности этих поселений кагану во время войны IX в., поскольку Саркел в эти годы играл роль пограничной северной крепости, оберегавшей остатки каганата от печенегов, а до приморских городов печенеги в конце IX в. еще не дошли. Что же касается положения автора о том, что в целом «зливкинский» вариант культуры просуществовал до середины X в., этого мы, исходя из материалов самого Зливкинского могильника и нескольких аналогичных ему отдельных погребений в районе нижнего Дона, сказать не можем (все они датируются, как и основная масса салтово-маяцких памятников, VIII—XI вв.).

Таким образом, не хазары разрушили поселения и крепости алано-болгарских племен в Подонье, как об этом говорит М. И. Артамонов, а печенеги, от которых отбивался Хазарский каганат, включавший в себя народы, оставившие памятники салтово-маяцкой культуры в Подонье. В целом нашествие печенегов для степных и лесостепных народов было столь же трагическим, как и нашествие гуннов для племен черняховской культуры.

Считаю необходимым высказать свое мнение и по вопросу о заселении асами Подонья. Ряд письменных источников свидетельствует, что именно асы-ясы (а не аланы) обосновались в конце VIII в. в верховьях Дона и Донца. Против этого положения автора вряд ли можно возразить. Но если он выводит их из Приднепровья, нам кажется более правомочным связывать их с северокавказскими асами, часть которых под влиянием каких-то причин (скорее всего, под давлением арабских походов Масламы и Марвана) вынуждена была покинуть в VIII в. предгорья Кавказа. Косвенным подтверждением этому является тот факт, что на Северном Кавказе в VII в. ряд могильников прекращает существование (Узун-Кол, Тырны-ауз, Константиновка)⁶, а также совершенное тождество донских и северокавказских погребальных обрядов.

В заключение об асах добавлю, что совершенно согласна с мнением М. И. Артамонова относительно сильной их тюркизации в Подонье. Подтверждением этому являются не только тюркские надписи на камнях выстроенного асами-аланами Маяцкого городища, как пишет М. И. Артамонов, но и сильная метизированность аланских черепов, обнаруженных в погребениях, раскопанных мною в Дмитровском могильнике, а также отдельные типично «зливкинские», т. е. болгарские погребения, встречающиеся

⁴ Помимо указанной выше статьи М. И. Артамонов посвятил Саркелу несколько работ, библиография которых дана как в рецензируемой работе, так и в статье И. И. Ляпушкина «Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона». МИА, 62, М.—Л., 1958.

⁵ В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, 106, М., 1962, стр. 123 и далее.

⁶ См. В. Д. Деопик. Стекланные, каменные и металлические украшения IV—IX вв. Северного Кавказа и Крыма как исторический источник. Автореферат диссертации, представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1961.

в этом могильнике наряду с характерными аланскими катакомбами. То же можно сказать и о знаменитом Салтовском могильнике, где в последние годы Д. Т. Березовцом был обнаружен рядом с катакомбным целый болгарский могильник опять-таки «зливкинского» типа. В настоящее время мы вполне можем называть культуру Подонья алано-болгарской, разделяя ее, как это сделал И. И. Ляпушкин, на два варианта: северный, в котором этнически преобладали асы-аланы и южный — в основном болгарский⁷.

В последнем разделе своей книги М. И. Артамонов чрезвычайно убедительно показал прежде всего отрицательную роль иудейской религии — религии купцов и сектантов-фанатиков, погубившую каганат, разрушившую его военную мощь и международные связи с великими христианскими и мусульманскими державами. Другими не менее важными, но не внутренними, а внешними факторами гибели Хазарского каганата были рождение на северо-западе могущественной Русской державы, а на востоке — появление растущих и крепнущих новых кочевнических союзов — огузов и половцев. В этой части опять-таки большое значение имеют привлеченные автором археологические источники. Например, только археология дала ему сведения о жизни русского города Белой Вежи — наследнице хазарского Саркела, сведения о кочевниках-наемниках или вассалах (печенегах и гузах), живших в городе в хазарское и русское время в качестве военного гарнизона и т. д.

Следует отметить, что книга М. И. Артамонова вся написана в чрезвычайно живом полемическом тоне. Мне кажется, однако, что не всегда в этой полемике автор бывает прав. В ряде случаев он ограничивается фразой: «но это совсем не так» и далее излагает свою, иногда тоже спорную, точку зрения. Это значительно снижает качество полемики и, главное, не убеждает ни читателя, ни оппонента в правоте автора. Дискуссионные положения не всегда доказываются автором. Приведу два примера, особенно бросающиеся в глаза, в силу устойчивой спорности поднятых вопросов. Так, на стр. 47 он пишет, что «значительная часть населения с черняховской культурой принадлежала гетам или другим близко родственным с ними фракийским племенам». В этой своей работе М. И. Артамонов не обязан был приводить всю систему доказательств своего взгляда на принадлежность черняховской культуры, поскольку она относится к другому культурному кругу, но тогда не следовало бы так категорически говорить о гетах, поскольку другое мнение о принадлежности этой культуры славянам также высказывается весьма безапелляционно и также пока почти не доказывается другими историками и археологами. К тому же эта категорическая форма мешает воспринять несомненно правильный, по-моему, вывод, высказанный несколько ниже самим автором и поддерживаемый большинством ученых, вывод о принадлежности этой культуры разноэтничному населению, входившему в состав Готского союза.

То же можно сказать о примечании 101 на стр. 101 относительно погребений с трупосожжениями, обнаруженных в нижнем Поволжье. А. П. Смирнов, судя по его работам, убежден, что все трупосожжения принадлежали славянам. М. И. Артамонов просто отмахивается от этого мнения: «Никакого отношения к славянам эти погребения с трупосожжениями, конечно, не имеют». Он не приводит никаких доказательств, а их много, поскольку мы знаем, что многие народы, помимо славян, и турки, в частности, тоже жгли своих мертвых. На читателя же фраза в примечании 101 производит впечатление голословного заявления.

Как археологу мне хочется сказать несколько слов об иллюстративном материале рецензируемой книги. Мне кажется, автор, подбирая иллюстрации, стремился к тому, чтобы у читателя, даже при поверхностном просмотре рисунков, создалось впечатление о народах, которые описаны в тексте. Несомненно, что этой цели, т. е. создания известного «кочевническоведческого» настроения, иллюстративный материал, состоящий главным образом, из изображений всадников, лошадиной сбруи, оружия, боевых поясов и т. д., достигает. Тем не менее, за редкими исключениями, рисунки не являются историко-ведческим материалом даже в главах, построенных, по существу, на археологических источниках. Нередко они даже не иллюстрируют параллельный текст, поскольку вещи VI—VII вв. помещены в главах, в которых говорится о событиях VIII—IX вв. (см. стр. 252, 267, 274). Впрочем, как уже говорилось, разбор, датировки и передатировки археологических материалов не были задачей данной работы и именно поэтому в книге отсутствуют стратиграфические, типологические и корреляционные таблицы.

В заключение мне еще раз хочется подчеркнуть, что книга М. И. Артамонова по праву может считаться этапом в развитии истории и историографии всей Восточной Европы эпохи средневековья. Она стала настольной книгой специалистов историков и археологов, занимающихся кочевниками. Прекрасный язык и большое количество ярких запоминающихся иллюстраций делают ее доступной и интересной для самых широких кругов читающей интеллигенции. Дискуссионный характер работы придает особенную свежесть и обаяние. Она заставляет думать, искать и спорить с автором. А это значит, что книга никогда не будет мертвым грузом книжных шкафов, это значит, что жизнь ее будет очень долгой.

⁷ И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА, 62, М.—Л., 1958.